

Бам!

Прошло совсем немного времени с тех пор, как ушёл Чжан Чжиюань, как раздался оглушительный грохот, пыль взметнулась столбом, и хлипкая дверца лапшичной с треском рухнула на землю - её попросту вышибли ногой.

Охранники семьи Чжоу вразвалку вошли внутрь, цокая языками:

— Ого, мы тебя всё искали, а ты, оказывается, тут прячешься, Нин-гер?

Е Нин не удостоил их взглядом. Его спокойные глаза, напротив, опустились вниз - он посмотрел на упавшую дверь, и в выражении мелькнула едва заметная жалость. Его голос звучал ровно:

— Дверь хоть и старая, но ещё могла служить. Я не собирался её менять. Теперь вы её сломали, значит, должны возместить.

Охранники остолбенели, переглянулись между собой. Они никак не ожидали от Е Нина такой реакции. Перед ними стоял нежный, на вид хрупкий гер, а при виде их - крепких, грубых мужиков - он не стал ни визжать, ни плакать, ни звать на помощь, а вместо этого... потребовал денег за дверь? Подумав, они даже нашли это логичным: будь Нин-гер человеком, не ценящим деньги, с такой внешностью и фигурой он бы и не отказался выходить за Чжоу-далана.

Хотя все они служили семье Чжоу, в душе у каждого всё же была своя мера. Что, по сути, представлял собой Чжоу-далан, кроме удачного рождения в богатом доме Цинтяня? Внешность и до посредственной не дотягивала: одного взгляда хватало, чтобы не захотеть смотреть второй раз, а если уж посмотрел, по коже пробежал холодок неловкости, будто тебе за него стыдно; ростом - низкий, толстый, словно обрубок дерева; о характере и талантах и говорить не приходилось. Даже охранники его презирали.

Если бы не деньги семьи Чжоу, какая девушка или какой гер согласился бы за него пойти? Эту истину охранники понимали прекрасно. Но одно дело понимать, другое - реальность. Реальность не смешивалась с рассуждениями. Они лишь на миг замерли, а затем разразились громким хохотом, сгибаясь пополам и держась за животы.

— Ха-ха-ха! Вы слышали? Он требует, чтобы мы заплатили ему деньги?!

— До такого дошло, а он ещё требует с нас деньги!

— Ха-ха-ха, вот уж действительно расчётливый гер!

Охранники, смеясь, шаг за шагом приближались, сжимая кольцо и загоняя Е Нина в тесное пространство маленькой лапшичной. Один из них заметил заднюю дверь, махнул рукой,

подзывая товарища, чтобы тот перегородил выход и не дал Е Нину улизнуть.

Но все они ошибались: Е Нин и не думал бежать. Он стоял на месте ровно и спокойно, как вкопанный.

— Знаешь, зачем мы сегодня пришли? — один из охранников выпятил грудь и задрал подбородок, отчего складки на шее лишь стали заметнее.

Е Нин невозмутимо ответил:

— Моя лапшичная ещё не открылась, так что вы, полагаю, пришли не за едой, верно?

— Умён, — хмыкнул охранник и ткнул в него пальцем. — Ты обидел нашего Чжоу-далана, а когда нашему господину не по себе, никому от этого хорошо не будет! Кто во всей деревне Цинтянь осмелится не считаться с нашим талантом? Сегодня мы здесь, чтобы научить тебя различать цвета, показать высоту неба и толщину земли*. Чтобы впредь знал своё место и не смел в нашей деревне бузить да портить имя нашего господина!

(ПП: проучить, наказать, дать понять силу, показать реальность, в которой ты мал и уязвим)

— Чжоу-далан занимается торговлей людьми, виновен в обмане и притворной добродетели, — Е Нин спокойно перечислял, загибая пальцы. — Какое у него вообще может быть имя?

— Ты!.. — охранник усмехнулся холодно. — С виду такой нежный, а язык острый, как нож. Сегодня мы тебе покажем, как должен говорить и как должен себя вести гер!

— Старший брат, — другой охранник расхохотался, лицо его лоснилось от жирной ухмылки так, что муха, сядь на него, непременно поскользнулась бы. Потирая ладони, он протянул: — Да этот Нин-гер такой красавчик! Не то что в нашей деревне, даже в уезде такого днём с огнём не сыщешь! Далан велел лишь проучить его, но, может... хе-хе-хе!

Он не договорил, но похотливый блеск в глазах говорил сам за себя. Остальные охранники разразились громким хохотом, смысл был ясен без слов.

— Вот-вот, старший брат! Такой свеженький, жалко бить, может, мы сначала... ха-ха-ха!

— Слышал, он, говорят, детей рожать не может. Это правда? Я вот ни разу не видел гера, который не может рожать.

— Да бросьте вы, всё это чушь собачья. Когда дело доходит до силы, какое там «не может рожать»? Нас тут сколько, постараемся как следует, глядишь, Нин-гер и правда понесёт. Тогда ещё спасибо нам скажет, мол, вылечили!

— Ха-ха-ха, верно говоришь! Да он нам ещё и за лечение должен будет заплатить!

— А вот мне интересно, если Нин-гер и впрямь залетит, кто ж из нас будет отцом ребёнка?

Охранники скабрёзно гоготали, смакуя свои мерзкие шутки. На спокойном лице Е Нина проступило отвращение, и он холодно произнёс:

— Чжоу-далан - дрянь, и охрана у него, как видно, такая же вонючая.

— Что ты сказал?! — охранник ткнул в него пальцем. — Ах ты наглец! До такого дошло, а ты всё ещё зубы скалишь. Пока не увидишь гроба, не прольёшь слёз!

Он шагнул вперёд, нетерпеливо протянув руку к Е Нину с пошлой усмешкой:

— Дай-ка старшему брату сначала пощупать твоё нежное личико...

— Господин Цзян, скорее, спасите Е Нина!

Голос Чжан Чжиюаня никогда ещё не был таким отчётливым и быстрым. Он на одном дыхании выложил всё, что произошло, а затем обернулся и указал вдаль:

— Там, впереди, заброшенная лапшичная! Вокруг только земли семьи Цзян, людей почти нет. Е Нин - хрупкий гер, как ему противостоять охране семьи Чжоу? Только вы можете его спасти!

Слуги семьи Цзян, услышав это, нахмурились и перевели взгляд на паланкин. Полотнища из шёлка свисали плотной завесой, не позволяя разглядеть, что происходит внутри. Тот самый господин Цзян, о котором говорил Чжан Чжиюань, находился всего в шаге за занавесью, но не произносил ни слова.

И вдруг изнутри показался кончик сложенного веера: он поддел занавеску и приподнял оконце носилок. Старший слуга тут же наклонился ближе.

— Чжан-саньлан, — слуга обернулся и сказал: — Ведите нас.

Чжан Чжиюань тут же проворно вскочил с земли, развернулся и со всех ног помчался обратно. Позади носильщики подняли паланкин и, не отставая ни на шаг, поспешили следом.

В горле у Чжан Чжиюаня стоял вкус крови, лоб был залит потом; капли одна за другой скатывались вниз. Ноги налились свинцовой тяжестью и жгучей болью, но тело, словно по

наитию, всё равно мчалось вперёд, и он, не переводя дух, добежал до маленькой лапшичной.

— Е Нин! Е Нин! — кричал Чжан Чжиюань, страшась, что этот хрупкий гер уже натерпелся обид и унижений. Разве можно шутить с людьми из семьи Чжоу?

— Там, впереди! Быстрее, быстрее! — торопил он, и в этот самый миг...

— А-а-а-а-а-а!

Чжан Чжиюань вздрогнул всем телом, спина у него выпрямилась, как струна. Он резко остановился и ошеломлённо уставился туда, откуда донёлся крик. Это была... лапшичная!

Такой пронзительный, отчаянный вопль, такое глубинное, надрывное рыдание - сердце Чжан Чжиюаня сжалось, закололо до боли. Неужели они опоздали?

Бум!

Не разбирая дороги, Чжан Чжиюань ринулся внутрь. Дверь лавки уже была выбита, так что он, разумеется, не врезался в неё, но из-за спешки с размаху стукнулся лбом о дверной косяк. В голове загудело, мир поплыл перед глазами, и он едва не плюхнулся на землю. К счастью, один из слуг, вбежавший следом, вовремя поддержал его.

Лоб у Чжан Чжиюаня пульсировал от боли, но сейчас ему было не до этого. Он вытаращил глаза, не веря увиденному: сколько ни прикидывал, сколько ни предполагал, он и представить не мог, что внутри окажется такая картина.

Двое охранников лежали на земле, скорчившись и прижимая руки к животам, а ещё двое вжались в стену, густо затянутую паутиной и покрытую слоем пыли. Если бы за их спинами не было стены, они бы, пожалуй, отступили ещё на несколько ли, но дальше отступить было уже некуда.

А главаря охранников Е Нин удерживал в совершенно неестественной, согнутой позе: рука того была вывернута за спину, пальцы уже посинели. Теперь, если задуматься, тот душераздирающий вопль, что только что раздался, звучал слишком низко и хрипло - это явно был не голос Е Нина, а как раз этого самого главаря.

— А-а! Отпусти... отпусти! Сломается... сейчас сломается... — выл он, умоляя о пощаде.

Остальные охранники, пытаясь выглядеть грозно, выкрикивали угрозы:

— Немедленно отпусти! Отпусти! Мы охрана семьи Чжоу, ты знаешь, с кем связался?!

— Ты думаешь, семья Е ещё сможет жить в Цинтяне, если ты нас обидишь?!

— Д-да! Оскорбишь семью Чжоу - ещё пожалеешь!

Но, как бы они ни грозились, голоса их дрожали и ломались, выдавая самый настоящий страх.

Чжан Чжиюань стоял, вытаращив глаза, и долго не мог прийти в себя. Рядом слуга семьи Цзян негромко произнёс:

— Чжан-саньлан, похоже... Нин-гер и вправду не нуждается в чьей-то помощи?

Чжан Чжиюань механически кивнул:

— Д-да... похоже на то.

Е Нин действительно не нуждался в спасении. Он пришёл из мира апокалипсиса, а без навыков выживания там долго не протянешь. Пусть нынешнее тело было слабым, не годилось для тяжёлой работы и действительно представляло собой проблему, но зато у Е Нина оставались ловкость, точность и умение использовать силу противника. Эти охранники выглядели устрашающе, но на деле владели лишь жалким подобием боевых приёмов на уровне трехногого кота и никакой серьёзной угрозы не представляли.

То, что Е Нин велел Чжан Чжиюаню бежать первым, вовсе не было спонтанным, безрассудным поступком. В его голове давно была своя мерка и свой расчёт - он всё взвесил заранее, потому и держался спокойно, неторопливо и уверенно, не испытывая ни малейшего страха.

Главарь охраны изначально хотел лишь поиздеваться над Е Нином, но даже не сумел прикоснуться к нему, как сам угодил в ловушку и оказался в крайне неприятном положении.

— Отпусти! Ты... я тебя предупреждаю... наша семья Чжоу...

Он ещё не успел договорить угрозу, как Е Нин вдруг мягко улыбнулся. Он и без того был красив и на вид безобиден, а эта улыбка и вовсе заставляла мир поблекнуть, словно ничто вокруг не заслуживало быть с ним рядом.

Лёгким, будто ни к чему не обязывающим тоном Е Нин спросил:

— Говорят, у вашей семьи Чжоу много свиней. А ты когда-нибудь видел, как режут свинью?

Главарь охраны опешил и захлопал глазами:

— Р... режут свинью?!

Е Нин не стал ничего объяснять. Он внезапно разжал руку. Главарь, словно получив помилование, дёрнулся было бежать, но в тот же миг Е Нин быстро и чётко схватил стоявший рядом деревянный стул. Во всей лапшичной всего-то было четыре стула, да и то один с подломанной ножкой. Е Нин поднял его без малейшего замешательства, размахнулся и со всей силы опустил на спину главаря охраны.

Бах!! Треск!

— А-а-а!!!

Охранник снова взвыл от боли, а стул разлетелся в щепки, рассыпавшись на части.

Тонкая, белая ладонь Е Нина подхватила обломанную ножку стула. Лёгким движением запястья он провернул её в руке, и обломок описал короткую дугу, после чего шершавый, усеянный занозами край с шорохом упёрся в горло главаря охраны.

— Когда режут свинью, — спокойно сказал Е Нин, — обязательно нужно спускать кровь. Иначе мясо будет вонючим, да и хорошей цены за него не выручишь.

Он едва заметно надавил, губы приподнялись в улыбке - холодной и ясной, словно слива, распустившаяся посреди лютой зимы, и неторопливо добавил:

— Может, и тебе, свинячья нога, помочь спустить кровь, а?

Щепки и древесная крошка разлетелись от входа в лапшичную и долетели до паланкина семьи Цзян, слегка задев занавеску. Самый край полотнища приподнялся, обнажив внутри изысканный, богато вышитый угол одежды сидящего в паланкине человека...

<http://bllate.org/book/15118/1343693>